

ӘЛ-ФАРАБИ атындағы ҚАЗАҚ ҰЛТТЫҚ УНИВЕРСИТЕТІ
КАЗАХСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени АЛЬ-ФАРАБИ

ХАБАРШЫ ВЕСТНИК

ФИЛОЛОГИЯ
СЕРИЯСЫ

СЕРИЯ
ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ

АЛМАТЫ

№7 (115)

2008

ҚазҰУ ХАБАРШЫСЫ

ФИЛОЛОГИЯ
СЕРИЯСЫ

С. Торайғыров
атындағы ПМУ-дің
академик С. Бейсембаев
атындағы ғылыми
КІТАПХАНАСЫ

ВЕСТНИК КазНУ

СЕРИЯ
ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ

Алматы

№7 (115)

2008

1992 жылдың 22 сәуірінен бастап
шыға бастады

Тіркелу куәлігі № 766

Редакциялық алқа:

Әбдезұлы Қ.

(ғылыми редактор),

Бисенғали З. Ғ.

(ғылыми редактордың

орынбасары), Зуева Н. Ю.

(жауапты хатшы),

Ахмедьяров К.К., Дәдебаев Ж.Д.,

Жолдасбекова Б.У., Сабитова З.К.,

Сүлейменова Э.Д., Таева Р.М.

ҚазҰУ ХАБАРШЫСЫ

ФИЛОЛОГИЯ СЕРИЯСЫ

№ 7 (115)

ИБ № 4357

Басылуға 15.12.2008 жылы қол қойылды.

Пішімі 70x110 1/16. Көлемі 35,12 б.т. Офсетті қағаз.

RISO басылыс. Тапсырыс № 599.

Таралымы 500 дана. Бағасы келісімді.

Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің

«Қазақ университеті» баспасы.

050038, Алматы қаласы, әл-Фараби даңғылы, 71.

«Қазақ университеті» баспаханасында басылды

© Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ, 2008

МАЗМУНЫ – СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Амялбекова М. Б. ОБРАЗНЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ В ПУБЛИЦИСТИКЕ М. КУЛ-МУХАММЕДА	3
Ахмедьяров К. К. КОНЦЕПТ «БОГ» (АЛЛАХ) В ЭКСПЛИКАЦИИ АБАЯ	7
Браллина С. Ж. ОБРЯДОВОЕ СЛОВО В ФОЛЬКЛОРЕ	11
Дюстаева Р. К. НАИМЕНОВАНИЯ ЛИЦ ЖЕНСКОГО ПОЛА В ПОВЕСТЯХ И.С. ТУРГЕНЕВА	14
Ермегияева К. Ж. ОНОМАСТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО В ПРОИЗВЕДЕНИИ “ГОНЕЦ” А. АЛИМЖАНОВА	16
Зуева Н. Ю. НЕСОБСТВЕННО-АВТОРСКОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ В ПОВЕСТИ Ю. ТРИФОНОВА «ОБМЕН»	20
Исина Н. У. «ВНУТРЕННИЙ ЧЕЛОВЕК» В ПОВЕСТЯХ ПЕРИОДА «ОТТЕПЕЛИ» (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОЗЫ М.АЛЕКСЕЕВА, В.АСТАФЬЕВА)	22
Искакова Н. С. ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ И ИХ ВАРИРОВАНИЕ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ	26
Искакова Н. С. РОЛЬ КОНТЕКСТА В ПРОЗЕ АНГЛИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ	30
Исмагулова Б. Х. ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ БИЛИНГВАЛЬНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ КАЗАХСКОЙ ДРАМЫ)	34
Кенжебалина Г. Н., Логвиненко О. В. ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ГЕНДЕРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РАССКАЗАХ В. М. ШУКШИНА	37
Наревская Т. А., Халитова С. Е. К ВОПРОСУ ПРОЧТЕНИЯ ПОВЕСТИ А. ГРИНА «АЛЫЕ ПАРУСА»	41
Плотникова Л. И. ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОЕ СЛОВО КАК ОТРАЖЕНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ УСТАНОВКИ ПОЭТА	44
Сагитжанова З. Т. АГНОНИМЫ И ИХ СЕМАНТИЗАЦИЯ	48
Флоря А. В. НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ	52

ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА В УСЛОВИЯХ ДИАЛОГА КУЛЬТУР

Алтынбекова О. Б. ПОЛИЛИНГВИЗМ В КАЗАХСТАНЕ: СТЕПЕНЬ ВЛАДЕНИЯ ЯЗЫКАМИ	55
Аманбаева Г. Ю. ТЕОРИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ВАРИАНТА ЯЗЫКА: ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ И СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ	57
Ахметов Е. Б., Ахметова А. Б. МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ КАЗАХСКОЙ, РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ КУЛЬТУР	60
Бейсенова Ж. С. ПОЛИАСПЕКТНОСТЬ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ НОМИНАЦИИ В РУССКОМ И КАЗАХСКОМ ЯЗЫКАХ	62
Газдиева Б. А. ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ИНГУШСКОГО ЯЗЫКА В КАЗАХСТАНЕ И ЭТНОЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ ИНГУШЕЙ В ИНОНАЦИОНАЛЬНОМ ОКРУЖЕНИИ	67
Джуянышбеков Н. О. «ХОЖЕНИЕ ЗА ТРИ МОРЯ» АФАНАСИЯ НИКИТИНА КАК ДОКУМЕНТ СУЩЕСТВОВАНИЯ ИНТЕГРИРУЮЩЕГО ОБЩЕНИЯ В ГЕТЕРОГЕННОЙ СРЕДЕ РОССИИ И ВОСТОКА 15 ВЕКА	70
Ермаханова Г. Б. НАРОДНЫЙ ХАРАКТЕР В НАЦИОНАЛЬНЫХ АНЕКДОТАХ	72
Жакупова А. Д. МЕТАВЫСКАЗЫВАНИЕ КАК СПОСОБ ЭКСПЛИКАЦИИ МОТИВАЦИОННОЙ РЕФЛЕКСИИ	78
Жулашова А. Ш. КОНЦЕПТЫ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ КАК СРЕДСТВО ОТРАЖЕНИЯ КАРТИНЫ МИРА В УСЛОВИЯХ ДИАЛОГА КУЛЬТУР	82
Жүнусова Ж. Н. ДИАЛОГ КУЛЬТУР В СЛОВАРНОМ ПРЕЛОМЛЕНИИ	86
Журавлева Е. А. ВЛИЯНИЕ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОГО КОНТИНУУМА НА ЛЕКСИЧЕСКУЮ СИСТЕМУ РУССКОГО ЯЗЫКА	89
Ибраева Ж. К. ПРОБЛЕМА ОТРАЖЕНИЯ ЛИЧНОСТИ ПОЛИТИКА В ЯЗЫКЕ СОВРЕМЕННОЙ ПРЕССЫ КАЗАХСТАНА	93
Капрова М. К. РЕПРЕЗЕНТАНТ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ ВНЕШНОСТИ ЧЕЛОВЕКА «БОРОДА» В РУССКОЙ И КАЗАХСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНАХ МИРА	96

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ГЕНДЕРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РАССКАЗАХ В.М. ШУКШИНА

Смена научной парадигмы в гуманитарных науках под влиянием постмодернистской философии в последние десятилетия XX века обусловила интенсивное развитие гендерных исследований в языкознании. Возросший интерес к субъективному, к частной жизни человека, развитие новых теорий личности, в частности теории социального конструктивизма, определили пересмотр научных принципов изучения категорий этничности, возраста и пола, интерпретировавшихся ранее только как биологически детерминированные.

Новейшее время в лингвистике характеризуется применением новой терминологии, более точно соответствующей методологическим уста-

новкам исследователей. В научное описание введен термин «гендер», подчеркивающий социально конструируемый характер пола. Данный подход стимулировал изучение лингвистических механизмов проявления гендера в языке и коммуникации.

В многочисленных исследованиях, посвященных проблемам языка и гендера, сегодня ученые уделяют много внимания вопросу о гендерных стереотипах и асимметриях, обусловленных андроцентричностью социальных отношений. Так, моделируя гендерную концептосферу, отражаемую современным русским анекдотом, Слышкин Г.Г. обнаружил количественную и качественную асимметрию иден-

тифицирующих признаков гендерно маркированных единиц: мужчина является для русской смеховой культуры прототипическим социальным деятелем, тогда как «женщина часто выступает как дополнительный по отношению к мужчине объект, не нуждающийся в добавочной идентификации» [1, 132].

Однако исследования русской фразеологии дают противоположные результаты. Как пишет В. Н. Телия, «для русского обыденного самосознания нехарактерно восприятие женщины как слабого пола и противопоставление ее “сильному полу”: эти сочетания, вышедшие из книжно-романтического дискурса, не стали принадлежностью обиходно-бытового употребления языка» [2, 43]. Исследование немецкого и русского фразеологического фонда выявило, что в русском материале образ женщины шире, чем в немецком, не только в количественном, но и в качественном отношении, в нем отражены разнообразные социальные роли, степени родства, этапы жизни женщины, ее разнообразные задачи и умения. Эти выводы находят подтверждение не только в исследованиях на фразеологическом материале, но и в работах по изучению мифологического сознания русских, отраженного, в частности, в русских народных волшебных сказках [3].

С целью выявления особенностей гендерных отношений, назревших проблем и противоречий во взаимоотношениях между мужчинами и женщинами в русской языковой картине мира посредством анализа языковых средств и речевых тактик и стратегий считаем необходимым использовать в качестве объекта исследования лучшие образцы русской классической литературы, отражающие мировоззрение и жизненные установки всех носителей русского языка. К таковым, безусловно, относится творчество великого русского писателя, драматурга, сценариста и режиссера В.М.Шукшина: «Шукшин создавал свои произведения о народе – из народа. У него не «сцены из народной жизни», а пульс, нерв, биение этой жизни... да иногда «неудобные» герои и «неудобные» сюжеты и многое другое не по «правилам», но какая акустика рассказов, какой резонанс и какая глубина в постижении самого реального, самого важного на свете – непостижимой и неуловимой, трепещущей, мятежной и нежной души человеческой!» [4, 234].

Главным героем шукшинских рассказов является мужчина, деревенский чудаков. Об этом свидетельствует, прежде всего, количественное доминирование мужские образов над жен-

скими. Обращают на себя внимание названия рассказов: «Степкина любовь», «Артист Федор Грай», «Гринька Малюгин», «Степка», «Ваня, ты как здесь?», «Из детских лет Ивана Попова», «Непротивленец Макар Жеребцов», «Свояк Сергей Сергеевич», «Крепкий мужик», «Дядя Ермолай», «Ванька Тепляшин», «Рыжий», «Мужик Дерябин», «Медик Володя». Длинной веренице мужских имен и образов противопоставлена малочисленная группа женских персонажей: «Леля Селезнева с факультета журналистики», «Материнское сердце», «Жена мужа в Париж провожала», «Мой зять украл машину дров», «Сны матери».

Деревенские «чудики» В. М.Шукшина пытаются бороться с негативными изменениями, идущими из города в его деревню, в его «маленькую Родину», нарушая многовековую гармонию. Поэтому роли, которые отведены женщинам, соглашающимися и принимающими эти изменения, часто являются второстепенными (жены главных героев, матери, тещи) или эпизодическими (буфетчицы, продавцы в магазине).

Многие женские образы раскрываются с негативной стороны, то есть, представлены как «античудики». Как правило, шукшинские «античудики» женского пола некрасивы внешне и бездушны. Автор дает оценку внешности с помощью следующих прилагательных:

«Полная женщина с крашеными губами» («Чудик») [5, 291].

«Молодая толстая буфетчица» («Капроновая елочка») [5, 216].

«Соня круглолицая, толстомясая» («Мой зять украл машину дров») [5, 560].

«Некрасивая толстогубая баба» (Миль пардон, мадам!) [5, 299].

«Продавщица, молодая, бледнолицая» («Сапожки») [5, 486].

«Поля стала старая, некрасивая. Она красивой и не была сроду» («Билетик на второй сеанс») [5, 532].

Как мы видим, при описании внешности женщин-«античудиков» В.М. Шукшин использует стандартные фразы-клише, поэтому читатель может мысленно нарисовать портрет героинь: «некрасивая женщина в теле».

При знакомстве с внутренним миром героинь выделяется описание глаз, так как «глаза – зеркало души». «Античудики» лишены внутренней наполненности, глубины, духовности. А глаза всегда темные, полны злобы и ненависти:

«Жена смотрела темными глазами чуть выше мужа» («Чудик»): [5, 293]

«Сморозин, удовлетворенный, смотрел в дымчато – темные, чуть влажные глаза жены» («Пьедестал»); [5, 67]

«Глаза большие, удивительно темные, до того темные, что блестят» («Ленька»); [5, 62]

«ОНА смотрела презрительно и гордо» («Кляуза»); [5, 123]

Речь героини В.Шукшина пестрит экспрессивно-окрашенной и просторечной лексикой:

- «Заткнись со своей деревней, клоун чертов, закрой свое поддувало!» [5, 547]

- «Кретин. Падла» («Жена мужа в Париж провожала»)

- «Да вот директора – стоит требует!.. Вынь да положь директора! Фон-барон! Пьянчуга!» («Обидка»)[5, 495].

- Вы прекратите орать? – спросила Софья Ивановна совсем зло, нервно. – Кому нужно слушать эти ваши сопли и пошелуи?» («Чудик»)[5, 296].

- Тебя не пожрать надо, не пожрать, а всю голову безменом проломить! Тыфу! – глазыньки твои бестыженькие! Пупок!» («Миль пардон, мадам!») [5, 300].

В анализируемых рассказах явно звучит мотив принижения женского ума и недооценивание способностей:

- «На жену Анатолия шляпа произвела сильное впечатление: она стала квакать (смеяться) и проявлять признаки тупого психоза» («Дебил»). [5, 24].

- «не то что глупые, но ... не интеллектуалки» («Хмырь»)[5, 501].

- «Крупная баба, а бестолковенькая» («Одни»)[5, 146].

- «Оглазела! Любую копейку в кармане найдет, а здесь микробов разглядеть не может, дура» («Микроскоп»)[5, 353].

- «Ныряет в воду, и косы зачем-то распускать. Вот, дуреха!» («Демагоги»)[5, 48].

- «Глупые вы какие-то бабы, честное слово» («Билетик на второй сеанс»).

Рассказы Шукшина обнажают серьезные проблемы в гендерных отношениях, непонимание и безысходность, двойственное положение мужчины в семье и обществе (главный добытчик и в то же время самый униженный в семье), приводящее к конфликтам и трагедиям.

Гендерные отношения в рассказах В.М.Шукшина представлены как постоянное поле боя, неравного боя, в котором, по большому счету, нет победителей - проигрывают все: сломленные мужчины, озлобленные женщины, растерянные и испуганные дети.

Рассказ "Жена мужа в Париж провожала" (1971) показывает подноготную одной московской семьи, которая довела мужа, зятя, отца до самоубийства. Всю жизнь героя корили за то, что он выходец из деревни, зарабатывает меньше жены. Вспоминать родную деревню, прежний быт и простые чаяния деревенского народа ему запрещалось, как запрещалось и выражать свою обиду на супругу, на жизнь в песнях и плясках [5].

В классике жанра "Мой зять украл машину дров" теща "сажает" всех мужчин, которые попадают к ней в семью - своего мужа, бывшего мужа дочери, но с нынешним зятем у ней выходит осечка - пошла в уборную, а зять дверь - на крючок...[5].

Афоризм из рассказа "Беспалый" (1972): "Счас хорошо живётся бабе да корове, а коню и мужику плохо". Из-за измены жены герой «тяпнул топором по пальцам - два указательный и средний отпали», чтобы хоть как – то заглушить боль в душе он выбрал боль физическую [5].

Гендерные различия героев рассказов наблюдаются в их речи. Коммуникантам – женщинам, героиням рассказов В.М. Шукшина свойственны:

- высокая эмоциональная окраска речи, которая выражена стилистически сниженной, брашной лексикой и штективами: «Кретин!», «Сволочь!», «Падла!», «Клоун чертов!», «Дебил!», «Скотина!», «Скважина ты кривоносяя!», «Гад!», «Чего ты, пес побитый, плетешься назад!», «Тебе не пожрать надо, а всю голову проломить безменом», «Где ты шлялся», «Ведь тебя, дурака беспалого засудят когда-нибудь!», «Харя ты неумытая, скот лесной!», «Пьянчуги!», «Голодранец поганый!», «Молокосос!», «Сопляк!»; Чаше всего виде обращений к мужскому полу;

- обилие просторечных слов и диалектизмов: «Я те счас врежу», «засудят тебя, беспалого», «Ехай туда, кому ты здесь нужен», «Што теперь сделаешь», «Ты у нас теперь выпьешь читушечку из колодца». «Я же завтра на бюлитень сяду!», «Детишки то раздетые ходют», «Да анделы, вы мои. люди добрые», «Двое маленьких ишо померли», «Мишка Бычков напишет на тебя характеристику»;

- частое использование междометий: «Ох, да за што же мне долюшка така-ая-а!», «Ох, скаважина!», «Ой, больно надо», «Эх вы... смешно?», Ну, заезжайте».

- использование глаголов в форме повелительного наклонения: «Иди просппись сперва»,

«Закрой свое поддувало. И окно закрой – сказала Валя», « Молчать! – строго сказала теща», «Давай, давай, пиши, тебе не привыкать», «Будешь в две смены работать, скважина», «Значит сиди дома, не шляйся», «Пусти, пойду баню посмотрю», «Сядь со мной».

- наличие множества *вводных слов*, *модальных конструкций*, выражающих различную степень предположительности, неопределенности: «Видел, наверно, полупальто, она в нем по воскресеньям ходит», «Может, на работе забыл где-нибудь? Может, заходил к кому, скважина?», «Там, оказывается, порвался канат»,

- частое использование *усилительных частиц*: «Грязный-то», «Денег-то нету», «Замараешь билье-то!», «Ну-ка, оцени!», «Ночь-то», «Чего лаешься-то?».

Коммуникантам – мужчинам шукшинских рассказов свойственно:

- использование *старославянизмов*: «Ох, Господи», «Боже мой!», «Бойтся как черт ладана», «Боже упаси», «Ну и слава богу!», «Игнат, ради Христа!», «я вон, лонись нашего одного – вытаял весной», «Слава те господи», «Ну, слава богу», «Батюшка! Вот те крест!», «Кончаюсь, юрка, в крестителя, в богу душу мать!», «Церква-то освободилась теперь...».

- *профессионализмы*: «Маленький клочочек ваты попал к жиклер карбюратора». «Такие турусы разведает», «Белковал я, а случилось, медведя-шатуна укладывал», «Ружье не сымай, а достань руками сзади, переломи и выкинь из казенника патроны», «Летом почесть все время в бригаде, а зимой на кубы (лесозаготовку) уезжаем», «Из браунинга стрелял», «А где блесна такая ... на подвид битюря».

- *просторечные слова и выражения*: «Ты про жись, как все про бабу», «Кого ты шас там увидишь?», «Хорошего-то мало, конешно», «Вот те и жизнь все дадено человеку: красивый, здоровый, башка не дурная», «У меня их шешнацать штук оставалось», «Сурьезно говорю», «Айда греться», «Как житуха», «А шалается где-нибудь», «Ты, мать, и радуисся и горюешь», «А ты навернессия с этого свово ираплана – костей не соберут», «капсюлей нету лишних», «Напужался ч до смерти, деда», «Дай новую рубащенцию», «Вопчем, шей».

- *экспрессивно-окрашенная и бранная лексика*: «Сукин ты сын, варнак окаянный», «На кой ты мне хрен нужен», «Закрой варежку», «Курва старая», «Судьба – сучка», «Вот же тварь».

- *жаргонизмы*: «Дерьмо собачье», «Пошли вы к черту», «Давай, бабка, кочегарь, а то на буфере поедешь», «Шалашня – Могу ведь замастырить»,

- *неологизмы*: «Освоение космоса... придет время люди сядут на Луну, долетят до Венеры», «это радиоволны. «По проводам» пела певица»,

- *множество интонаций и пауз*: «Тут, понимаешь...штука одна потерялась», «Ну такой... с трубочками», «Какая ты у меня... головастая», «Ночь говорю...До того красиво...», «Она не плохая, она...», «Церква-то освободилась теперь», «Ну, это!..знаешь! – взорвался старик. – Пошла ты к...», «Я те так скажу... Ты слушай сюда! Слушай сюда!».

- *использование художественных тропов*:

Сравнения: «Доля, брат, как налим, склизкая: вроде ухватил ее, вроде», «Бабы - дешевки», «Замерзнешь тут, как кочерыжка», «От тебя қак от печки пышет», «Был парень как парень, а тут как иглу съел».

Метафоры: «Душа кипит», «А теперь умойся кровью, гад ты ползучий»,

«Сердце вот тут...горлом лезет»,

- *Использование устойчивых оборотов речи, пословичных и поговорочных выражений*: «Бог не выдаст – свинья не съест», «Сравнил хрен с пальцем», «Молодец – против овец, а спроть молодца – сам овца», «Петух жаренный в зад не клевал», «С жиру беситесь», «спасибо за хлеб соль», «Чего вы злитесь, как собаки», «Сразу быка за рога взяли», «мать честная», «Елки зеленый», «Сказка про белого бычка намечается», «Черт! возьми», «Непрошенный гость, говорят, хуже татарина», «Сейчас она у меня будет пятый угол искать».

- *склоны к употреблению «престижных», стилистически повышенных форм, клише, книжной лексике, заимствованных слов*: «А если она грустная, кислая, я ей говорю: пирамидон», «Я вас провожаю сегодня до хаты. Если у вас нет, конечно, какого-нибудь хахаля», «Поговорим как желтьмены», «пусть эту комедию смотрят тигры», «Сэнк-ю», «Я могу, конечно, уйти, но это банально. Это серость». «На полном серьезе», «Ординарец принесет какого-нибудь вшивого портвейна, я его как шугану», «Миль пардон, мадам... Счас ведь врежу!», «Какую желаете, медемуазель фрау?».

Рассмотрев речь персонажей, мы выявили следующие гендерные различия в выборе языковых средств: для речи женщин характерно использование нейтральной лексики, эмоционально-окрашенных, стилистически сниженных

и бранных слов и выражений, частотны вводные слова, мужчины чаще употребляют просторечные, пословичные и поговорочные слова и выражения, профессионализмы, церковнославянизмы, «престижные» и заимствованные слова; а также художественно-изобразительные средства языка и обилие интонаций.

Как мы уже отмсчали ранее, женщина в связи с изменениями, происходящими в жизни деревни, стала меняться на глазах, поддаваясь городскому влиянию. По сравнению с той жизнью, которой жила женщина «патриархальной Руси», героини рассказов Василия Макаровича Шукшина свободны и независимы, чувствуют явное превосходство над мужским полом. Об этом свидетельствует употребление глаголов в повелительном наклонении. Наличие междометий, усилительных частиц, модальных конструкций говорит об высокой эмоциональности, которая свойственна всем женщинам без исключения.

Для мужчин в рассказах В.Шукшина типичны простые лаконичные фразы (преобладание простых предложений над сложными) – краткость в выражении мыслей, отсутствие модальных и вводных слов, междометий – эмоциональность слабо выражена, частое употребление профессионализмов. Прочно сохранив связь с деревней, они не утратили и

деревенского колорита, наполнив своей¹ словарный запас просторечными формами, диалектами, неологизмами, фразеологизмами и художественно-изобразительными средствами. Использование «престижных» форм в их речи также не случайно, это пародия на город и городских жителей.

Активное использование в мужской речи междометных восклицаний старославянского происхождения невольно наводит на мысль о духовном, божественном начале, которое в эпоху «индустриализации», как это не парадоксально, прежде всего, сохраняют в себе не женщины, а мужчины. Частые обращения к Богу не всегда прямые и осознанные, звучат, как просьбы о помощи, идущие из глубины души.

1. Слышкин Г. Г. Гендерная концептосфера современного русского анекдота // Гендер как интрига познания. Гендерные исследования в лингвистике, литературоведении и теории коммуникации: Альманах. Пилотный выпуск. М., 2002. С. 72.

2. Телия В. Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996;

3. Коновалова С. А. Гендерная специфика выражения предикативных отношений в тексте русской народной волшебной сказки. Дисс. ... канд. филол. Наук. М.,

4. Коробов В. И. В. Шукшин. Творчество. Личность. – М., 1977.

5. Шукшин В. М. Собрание сочинений: в 3 т. – М., 1985.